

Лилия Коваль

НА ОСКОЛКАХ ПЕРВОЙ
ЛЮБВИ

Моя Миз

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Лина Коваль

Моя Мия

Серия «Парни Коваль», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69973618

SelfPub; 2024

Аннотация

Мирон Громов был в моей жизни всегда... Этого дерзкого красавчика я считала своей собственностью, пока он... настоящему не влюбился. Не в меня! – Прости, моя Мия, – написал Мир в финальном сообщении. – Больше не твоя, – ответила я подонку рыдая. Он счёл нашу первую любовь никчёмной пустышкой. Значит, я тоже забуду! Вырву из сердца растоптанные чувства и отдам их другому. Например, старшекурснику-мажору. Вот только Громова такой вариант решительно не устраивает... но разве это мои проблемы?! Слишком поздно!

Дорогие читатели, черновик завершён! Для того, чтобы увидеть последнюю главу и эпилог, необходимо скачать/обновить файл!

Содержание

Глава 1. Решительная Мия	4
Глава 2. Злая Мия	11
Глава 3. Растерянная Мия	16
Глава 4. Взлетающий Мирон	21
Глава 5. Облапанная Мия	27
Глава 6. "Вызывающая" Мия	33
Глава 7. Разбитая Мия	39
Глава 8. Смазливая Мия	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лина Коваль

Моя Мия

Глава 1. Решительная Мия

– Алиса, как победить рыжую ведьму?

– *Это сложный вопрос. Так, сразу не разобраться, – раздается в тишине серьёзный голос из аудиоколонки. – Если хочешь, я могу отправить подборку ссылок из интернета на данную тему.*

– Нет уж, спасибо, – бормочу сквозь зубы. – Много чести.

Подвожу глаза поярче специальным маркером и отхожу от высокого зеркала, чтобы разглядеть своё отражение в полный рост. Блестящее облегающее платье слишком узковато. На грани, но не критично.

Вот ключицы стали менее различимыми, как и талия – это расстраивает до протяжного стога.

Блин.

Зачем только лопала проклятые булки в отпуске?! Отка-заться было нереально, так хотелось всё попробовать. Завтра же сяду на диету!

Перекидываю тёмные волнистые волосы на правое плечо и отправляю себе воздушный поцелуй. Ты всё равно лучшая, карамелька, – слышу внутренний голос, сильно смахиваю-

щий на отцовский.

Нервничаю, потому что именно сегодня снова увижу Мирона с его девушкой.

До сих пор в голове не укладывается. У моего Громова... с которым мы с пелёнок вместе.

Мирон... что в любви мне признаваться начал раньше, чем собственный отец, узнавший о моём существовании только к трём годам.

Разве так вообще, может быть?

Чтобы девятнадцать лет любил одну, а потом операционная система сама по себе хакнула до такой степени?

Полнейшее переформатирование.

Ненавижу!

Тот чёрный день календаря, когда Мир притащил свою вешалку к нам в дом, стал худшим в моей жизни. Не зря это случилось именно в Хэллоуин. Ведьмы же в этот день на землю спускаются? Правда?!

Я умерла в одну секунду.

Всё. Нет меня. Больно было до ужаса.

Нижнюю губу, глядя на сладкую парочку, едва не прокусила. Потом ещё два дня с постели не вставала. Папа тогда перепугался, быстро отправил нас с мамой к друзьям в Европу.

Сейчас, спустя полтора месяца, в зеркале на меня смотрит совсем другая девушка.

Новая.

И дело вовсе не в том, что задница стала круглее на барселонских харчах. Изменения гораздо глубже. Я поклялась отцу, что отомщу и я сделаю это во что бы то ни стало.

Или я не Мия Руслановна Алиева.

«Миош, ты скоро? Твой Громов со своей великовозрастной уже здесь» – приходит сообщение в общий чат от Ивки, а следом файл с фотографией.

На снимке Мир с Ладой. Стоят у барной стойки в обнимку, тесно прижавшись. Сразу замечаю хрупкую ладошку с наманикюренными пальчиками на широком плече моего несостоявшегося мужа и отца моих нерожденных пока детей.

В глубине души, может, в чём-то и понимаю его...

Лада Милованова – яркая модель с точёной фигуркой. Ей двадцать два. Она сумасшедше красива, надо объективно оценивать противника. Наверняка опытна в сексе. Может... даже минет делает? Кто её знает?! Я-то мужской половой орган только на картинках видела да на озоне в разделе эротических товаров. Но это досадное недоразумение, как и обветшалую девятнадцатилетнюю девственность, я планирую срочно отретушировать. Так сказать, раскрасить свою жизнь яркими «постельными» тонами.

Надеюсь, сегодня получится. Я в предвкушении.

Следом Энж с Тайкой присылают в чат кучу рыгающих смайликов. Тихо посмеиваюсь и дополняю переписку идентичным жёлто-зелёным символом. Потом, конечно, ещё раз

открываю влюблённых голубков, и каждый пиксель сканирую, еле дыша.

Сердце трепещет, вот-вот выскочит.

Громов мерзкий какой, а?! Прижимает рыжую к себе, словно водолаз последний кислородный баллон.

Аккуратно подушечкой большого пальца веду по своему мальчику. Возмужал, даже я бы сказала, конкретно так подкачался. Плечи стали размашистее, узкая талия задерживает мой взгляд дольше, чем полагается. Белая рубашка Мирону идёт, что уж здесь лукавить. Я ещё в первом классе это подметила, как и все его одноклассницы. Они по нему все школьные годы с ума сходили, а Мир... всегда меня выбирал.

«Моя Мия» называл.

С ненавистью откидываю телефон на столик. Внутри будто выжигателем поработали. Когда ж полегче-то станет?

Боженька, если слышишь, если ты есть, дай мне сил пережить сегодняшний вечер. И вида не показывать, как мне паршиво на душе. Громов по мне танком проехался, ни одной целой косточки не оставил.

Алиевы такое не прощают.

Проскользнув мимо отцовского кабинета, натягиваю длинный пуховик в пол и долго смотрю на зимние кожаные угги, а потом махнув рукой, иду в гардероб за ботинками на каблуках.

– Ты куда это собралась? – выглядывает хозяин дома.

– На новогодний утренник. Университет устраивает, па-

пуль, – сладко запеваю.

– Странно. Сегодня с вашим ректором общался, у него вечером корпоратив с преподавательским составом.

– Так это студклуб организовал, – мило улыбаюсь. – Леонида Арсеньевича, естественно, не будет.

– Ты на машине?

– Нет, я такси вызвала, которое ты посоветовал.

– Хорошо. Позвони, как доберёшься. Обратно лично заберу.

– Па-па, – рычу, резко разворачиваясь. – Мне не пять лет.

– Но и не пятьдесят пять, – невозмутимо отвечает. – Не обсуждается. Заберу от здания университета.

С раздражением закатываю глаза. Теперь от клуба придётся добираться до студгородка. Вот кто меня за язык дёргал?

– Ладно, – вздыхаю послушно.

– И шапку возьми.

Ага, щас же! Ещё варежки на резинке, костюм Снежинки и сменку.

Выбегаю из дома, пока Руслан Тимурович Алиев о чём-нибудь важном вновь не припомнил.

В то время как еду в чистенькой Тойоте успеваю два раза подкрасить губы и четыре – полюбоваться на фотографию Громова с мыррой.

В клубе оставляю вещи в гардеробе, по винтовой лестнице поднимаюсь на второй этаж.

Ух, сколько здесь знакомых лиц! Пол-университета.

С непривычки часто моргаю от яркого освещения и чуть не падаю, когда с места сбивают подружки. Поочерёдно обнимаемся, чмокаемся, давно ведь не виделись. Смеёмся, внимательно друг друга разглядывая. Мы все, как новогодние ёлки разоделись. Пайетки в этом сезоне на пике популярности, а наш чат называется «Модная четвёрка». Пока всё логично.

Практически добираемся через толпу до забронированного заранее столика. Только успеваю расслабиться, как в спину мне летит заряженный ржавый снаряд:

– Ми-я.

Сглатываю ком в горле... голос тоже переменился. Стал мужественным, густым.

Мои руки дрожат, а ноги подкашиваются.

Разворачиваюсь, крутанувшись на каблуках, и стараюсь не дышать, когда Мир заключает меня в крепкие медвежьи объятия. Раскалённая мужская ладонь медленно проходится по оголённой коже на спине, будто бы забывшись.

Громов тут же отстраняется и морщится.

Его глаза всё такие же прозрачные, словно бесцветные. Предатель недовольно мажет взглядом по моим едва прикрытым ногам.

– Чё за платье у тебя, Карамелина? – горланит в ухо. – Папа видел?

– Отвали, Громов, – шиплю сквозь зубы, резко приходя в себя, словно в реальность возвращаюсь. – Ты мне не брат.

Ты мне вообще никто. Больше никто.

– Пойдём, я тебя со своей Ладой познакомлю, – не обращая внимания на моё шокированное лицо, Мир по-хозяйски хватает за руку. Тянет к танцполу, а я пытаюсь выстроить в ряд хаотичные мысли и не пялиться на идеально выстриженный тёмный затылок с еле заметной светлой прядью на шраме.

Это он в девять лет на арматуру, торчащую из асфальта, свалился, когда спасал меня от сумасшедшего велосипедиста. Тогда обещал, что до нашей свадьбы рана заживёт.

А сейчас... я иду знакомиться с *его Ладой*.

Глава 2. Злая Мия

– Привет, – широко улыбается Лада и машет рукой. – Мия?

Киваю, не в силах сказать ни слова. Мир с лёгкостью выпускает мою ладонь из рук и приобнимает свою девушку, коротко целует в висок.

Её висок целует, а мой простреливает.

– А я Лада, – продолжает оставаться дружелюбной моделька. – В прошлый раз, у вас дома не познакомились, а потом вы в Барсу к Ксении улетели.

Резко переключая затравленный взгляд на мудака, который снова меня по стенке размазал.

Я в шоке.

Он что... к старшим Грозовым свою Пеппи возил? Получается, ещё до Хэллоуина?!

Так все знали? Все вокруг были в курсе, что у Мира есть девушка, и молчали!

Получается так.

А папа?! Мама?

В том, что родители Мирона располагали рыжей информацией, я теперь не сомневаюсь. Ну не мог дядя Глеб, муж Ксении, не сказать родному брату, что Мирон к ним навещался.

Внутри меня такая буря закручивается. Негодование,

злость, обида. Мысленно перебираю в памяти прошлые события, анализирую взгляды со стороны родителей и их друзей.

Вспоминаю, как дожидалась Мира из Европы, куда он уехал, чтобы пройти углублённый курс по строительству и архитектуре.

Теперь вижу.

Его учёба была действительно «глубокой». В целом, как и моя собственная глупость.

Ох...

– Мир сказал, вы с детства знакомы? – кричит Лада через стол, когда мы усаживаемся в небольшой вип-зоне.

– Да, – неловко киваю.

Здесь гораздо тише, чем в общем зале. На диванчике рядом со мной сидит симпатичный блондин, кажущийся, мне знакомым. Он приветливо кивает и предлагает выбрать коктейль.

Беру первый попавшийся, с ярко-оранжевой трубочкой. Сразу выдуваю половину, не почувствовав вкуса, и осматриваю парней, сидящих за столом. Помимо Громова с его Красной Шапочкой, пара приятелей со старшего курса, остальные все чужаки.

– Друзья детства, значит, – пропевает Лада, покачивая головой в такт музыке. Тонкая рука обвивает шею Мирона и притягивает к себе. Он ни капли не возражает. – И какой он был в детстве? Мой Громов?

«Мой Громов».

Глаза печёт невероятно. Сосед сбоку пододвигает наполненный бокал.

Перевожу взгляд на Громова, который вмиг становится серьёзным. Ухмылка с губ спадает, на умном лице явно читается сожаление.

Значит, вот так я выгляжу?!

Жалкая? Да?

Обойдутся. Сами пусть слезами умоются.

Встряхиваю шикарным облаком волос и ослепительно улыбаюсь своему соседу, вспоминая, о чём вообще речь.

– Мир? – загадочно закатываю глаза. Выглядит театрально, ну что уж тут поделать. – Ой, было много гадких историй, – машу рукой.

– Мия, – предостерегающе наклоняется Громов, захватывает стакан с виски и льдом. Сверкнув глазами, делает пару глотков и размещает руку на спинке дивана.

Однако, как говорит папочка, «этот локомотив уже не остановить». Правда, он обычно посвящает данную фразу маме, недаром все утверждают, что я её полная копия.

– Например, Мирон безумно боится лягушек. Обычных деревенских, которые квакают по ночам.

В випке раздаётся дикий хохот, а я награждаю улыбкой всех сидящих за столом. Когда дело доходит до Громова, она сама по себе превращается в оскал.

Но это ещё не всё...

– А в семь лет мы отдыхали с родителями в Таиланде, наелись до отвала арбуза и ночью...

– Ми-я, блд, – слышится лютый бас, заглушаемый всеобщим ором.

Смотрим друг на друга в упор. Я готова отравленным ядом забрызгать белую рубашку, сидящую на нём, как на фитнес-Боженке.

А Громов... Сдавливает зубы, со злостью цокает и залпом выпивает содержимое своего бокала. Пялюсь на него, пока не замечаю недоумение на лице Миловановой.

«А ещё он единственный, с кем я целовалась по-настоящему...» – договариваю про себя.

Впервые это случилось, когда мне было четырнадцать. Мы бесились у его дяди на даче и отправились к пристани. Забрались на лодку, смотрели на закатное солнце и, вдохновленные недавним просмотром "Титаника", решили в шутку спародировать поцелуй Кейт и Лео. Закончилось всё тем, что мы с Миром сосались, пока на улице не стемнело.

Это было так... захватывающе.

Резко вставая, одёргиваю задравшееся платье.

– Я к подружкам пойду, потанцую. Приятно было познакомиться, – говорю всем, не глядя на Громова с девицей, чтобы Ладка поняла – к ней это не относится.

Подмигиваю своему соседу, не сводящему глаз с моего декольте. И вильнув бёдрами, отправляюсь навстречу счастливчику, который сегодня сотрёт с моих губ печать имени

Мирона Громова...

Глава 3. Растерянная Мия

Десять.

Ровно столько минут мне понадобилось, чтобы привести себя в порядок в дамском туалете. Пшикаю на внутреннюю сторону запястья серебристой Монталь, и медленно растирая, хладнокровно смотрю на своё отражение. Глаза будто неживые. Маньяк-убийца, прости господи.

«Мой Громов»

Словно вспышкой пролетают слова Ладки. Ядовито-неоновой лентой под кожу забираются.

Я... в раздрае.

Думала, пережила, справилась. Но нет.

Наверное, мою боль может понять только та, что любила в девятнадцать. До хрипоты, до проклятого покалывания в ступнях. Когда жжётся в груди так, что нестерпимо.

Ни одной единой мысли, кроме воздушного рыжего облака вокруг *его* плеча.

Просто мечтаю, чтобы проблема решилась одномоментно. Чтобы он уже сейчас всё понял, потому что в следующую минуту поздно будет. Ни завтра, ни послезавтра.

Сейчас!

В мои девятнадцать лет бить наотмашь хочется за долю секунды до того, как по тебе ударили. Так получается. Не знаю, что это.

Мама говорит – «молодость, всё пройдёт», отец тихо цедит «вся в мать» и закатывает раздражённо глаза.

Я физически ощущаю, как живьём варюсь в коктейле из ревности, унижения и собственной уязвимости. Моё сердце рыдает внутри, потому что снаружи я должна оставаться сильной.

Этому тоже папа научил. Слабой можно быть только со своими. С родными.

А Мирон больше к таким не относится.

Перед собой вижу – стоит молоденькая, яркая брюнетка. А в душе – волчица, одиноко воющая на Луну.

До жути.

Облизнув только что подкрашенные губы, вытираю влагу в уголках глаз и отшвыриваю салфетку в урну.

Я должна быть равнодушной.

Обязана стать счастливой, чтобы утереть ему нос. Просто горю сейчас мечтой увидеть в его глазах отголоски своей боли.

Найду себе парня.

Хорошего, умного, главное, надёжного. Такого, чтоб дух захватывало.

Поражённо вздыхаю, прикладывая ладошки к горящим щекам. Самбй влюбиться? Не в Громова?

Это вряд ли, конечно.

– Мийка, – подхватывает меня под руку Тая, когда я решаюсь выйти из туалета. – Пойдём. Я все ноги стёрла, пока

тебя искала.

– Зачем?

– Ты куда-то пропала, – сбивчиво проговаривает. – Там... *он* пришёл, представляешь?

– Кто? – округляю глаза. Мысли только о Громе.

– Ваня, – краснеет Валеева.

С недавних пор моя любимая подруга тоже пала жертвой светлых глаз. Правда, серых. Собственник последних – Ваня Соболев, однокурсник Мира и средний сын Яны Альбертовны Соболевой. Пожалуй, самой известной женщины в нашем городе.

Поднявшись по винтовой лестнице, снова попадаем в душное помещение. Голова кружится от количества людей и мигающих ламп, установленных под потолком.

Стараясь не смотреть в сторону випки, прохожу к нашему столику и оставляю крохотную сумочку на диванчике.

Следующий час мы с девчонками танцуем и веселимся. Упрямая лямка платья всё время пытается съехать, грозя оголить грудь, но я старательно её придерживаю и соблазнительно поднимаю руки, выписывая бёдрами восьмёрки.

В какой-то момент становится так весело, что о Громе напрочь забываю.

Алкоголь в крови будоражит и требует остренького, наша «Модная четвёрка» вскарабкивается на сцену. Одёргиваю задравшееся платье под общий вой толпы, мило пожав плечами.

Щёки горят, кожу покалывает, когда представляю, что Мир сейчас где-то здесь. Ну не может он в таком платье из виду меня выпустить. Видела ведь, как взбесился. Всегда так было.

Кидаю неловкий взгляд в сторону випки. Пусто.

Горько усмехаюсь.

Ему всё равно. Может, вообще уехал со своей апельсиновой. Будут трахаться полночи, как кролики у бабушки на даче... Не зря мы каждое лето за ними подсматривали.

Да блин.

Поднимаю голову к ярким софитам и пытаюсь вернуть выпавшие слёзы глазам. Ослепительно улыбаюсь.

Быть сильной мне даётся нелегко.

Девчонки попеременно дёргают меня за плечи, изображая веселье.

В танце соблазнительно прогибаюсь и откровенно веду ладонями по груди. Пайетки колются и хрустят под пальцами. Возбуждение внизу живота загорается красной лампочкой. Я так много читала про секс последние полгода, что давно могла бы сдать теорию на "отлично".

Отчего-то сейчас, на фоне опытной стервы-Ладки, моя девственность кажется нелепым казусом.

Тем более, Мир от права первой ночи отказался самым противным способом. Это и послужило причиной нашего недопонимания перед самым отъездом Громова в Европу.

Но...

Мы ругались с ним миллионы раз. Случалось, долго не разговаривали, обижались. А потом как ни в чём не бывало продолжали общаться. Потому что близкие люди всегда прощают. В этом и смысл.

Заметив своего недавнего соседа, мило угощавшего меня коктейлями, машу рукой и проезжаю взглядом по молодому стройному телу. Неплохо. А блондин оказался красавцем, в темноте випки не разглядела. Слишком уж была занята сладкой парочкой.

Парень ослепительно улыбается, сверкнув белоснежными зубами, и кивает на бар, приглашая. Ох, мамочки.

Ещё раз кружу глазами по чёрной рубашке, расстёгнутой на пару пуговиц.

Он усмехается, наглец.

Крупноват для меня, конечно, но ничего страшного. На его фоне, со свежими «барселонскими» формами, буду ещё выигрышнее смотреться...

Игриво наклоняю голову и закусываю нижнюю губу. Развожу руками, показывая, что мне самостоятельно отсюда не выбраться.

Блондин подходит ближе, не прерывая взгляда.

Без слов доверчиво опираюсь на массивные плечи и смотрю сверху вниз. А затем под улюлюкания, оказываюсь в крепких руках...

Глава 4. Взлетающий Мирон

Мы что? Возвратились в период острого дефицита? Кринж какой-то.

Вот о чём я думаю, когда прохожусь взглядом по бухой толпе, чтобы выцепить мою Карамелину.

На танцполе штук десять, если не больше, одинаковых шершавых платьев металлического цвета. Смотрятся так, будто в клубе высадился космический десант в юбках. Воздух пахнет сразу всем. Женскими духами, алкоголем, сексом. Молодостью. И где-то здесь моя Мия. Зла не хватает.

С любопытством пялюсь на женские прелести. Тут сиськи маловаты. Здесь волосы короткие, у долговязой вообще походу дистрофия или цинга.

– Хочу тебя, – жарко шепчет на ухо Ладушка, отвлекая от занимательной идентификации.

Оборачиваюсь, инстинктивно опуская ладонь с хрупкой талии на мягкие аккуратные ягодички. Сжимаю пятернёй одну булочку, замечая, как из ротика вылетает короткий вздох. Это тут же вызывает кучу пошлых картинок в голове. Одна из них утренняя... С воздушным облаком медных волос и её горячим язычком.

Усмехаюсь, когда рыжуля обводит им губки.

Смотреть приятно, предвкушать предстоящую ночь – охренительно до скрипа за грудиной.

Прекрасно знает, о чём я думаю сейчас, зараза. Провоцирует, дразнит, ластится, томно дыша. Спуска не даёт ни секунды.

Трахаться хочется дико. До ора и сжатых зубов.

Если бы в этой куче не было Алиевой в коротком блестящем топики и красных трусах, которые она засветила для доброй половины универа, уже сейчас бы прыгнул в тачку и натянул на себя податливое, мягкое тело.

– Поедем? – снова звенит возле уха с придыханием.

– Потерпи, малыш, – коротко целую в висок. – Устала?

– Немного.

В который раз набираю Карамелине, но её телефон ,ожидается, скорее всего где-нибудь в сумочке за столиками.

Поправив часы на запястье, снова отправляюсь сёрфить глазами по пьяным мордам. Когда взгляд засекает крохотную тёмную головку, склонённую к перекаченной груди Офицера, мотаю головой.

Да нет, блядь. Не она это.

Платье ещё сука такое же, как на всех, в этом зале.

Заинтересованный взгляд падает ниже, на аппетитную округлую задницу. Сочно, ничего не скажешь. Член ожидается подаёт сигнал SOS и упирается в ширинку. Не. У Алиевой пятая точка миниатюрнее. И волосы покороче.

Сто процентов не она.

Да и чтобы принцесса обжималась с первым встречным? Херня это.

Мия не такая.

Чистая, светлая малышка. Любого порву, кто дотронется. Всю жизнь защищал и защищать буду.

До старости.

Правда, выросла такая взрывная Карамелина, что она сама за себя постоять может. Усмехаюсь, опуская глаза. Дурьнда мелкая.

– Громов, ты меня бесишь, – моросит Ладка. – Что ты докопался до своей этой Алановой?

– Алиевой.

– Да хоть какой, – дует губы.

– С меня её отец три шкуры сдерёт.

– Я с тебя сама три шкуры сдеру, – обещающе, как бы невзначай, царапает коготками по щеке. – Хочешь?!

– Пфф... – тяну, ощущая скрежет в штанах.

– Я устала.

Началось. Как она по подиуму своему километры наматывает, если чуть что и устала?

– Давай, я тебя отвезу и метнусь обратно.

– Ну вот ещё, – фыркает.

– Я быстро, – сам себе киваю и тащу тонкую руку за собой.

Лада недовольна, но вида не подаёт. Набрасывает светлую шубку и послушно идёт к машине. Чёрненькой БМВ, подаренной отцом на восемнадцатилетие с указанием того, что обязательно конфискует, если узнает о малейшем проёбе с моей стороны.

Тогда-то я и изобрёл личный способ незаметно «не бухать» со всеми. Всегда заказываю яблочный сок со льдом в стакане, предназначенном для виски.

Алкоголь в нашем семействе не приветствуется.

Отец всю жизнь занимался спортом, с ранних лет и меня приучал. Сначала плавание, затем лёгкая атлетика и футбол.

Доехав до жилого комплекса, в котором живёт Лада, паркуюсь у подъезда.

– Я быстро, – говорю, нажимая на кнопку разблокировки.

– Пойдём домой, хочу тебя, – набрасывается с поцелуями.

Оттягиваю зубами нижнюю губку и проталкиваюсь в ласковый ротик.

Как же это охренительно.

Проникаю под шубку и сжимаю двумя пальцами острый сосок. Милованова не очень жалуется лифчики и трусы. Что может быть прекраснее в этом мире?!

– Ми-рон, – шепчет по-пошляцки самка. – Пойдём домой. Трахни меня уже.

– Чуть позже, Огонёчек.

Резко отстраняется. В глазах вижу непримиримый пожар, но она, словно покорная куколка, его гасит и вытягивает ладошку к каменному члену.

– Не хочу тебя такого твёрденького отпускать, – заговорщицки подмигивает, тянет молнию вниз. Склоняется.

Взглянув на часы, решаю, что время есть.

Одним движением отъезжаю с креслом назад и чуть сдви-

гаюсь ниже. Охеревая от манипуляций её руки, расставляю ноги пошире и пялюсь, как девчонка играет язычком с влажной головкой. Слизирует проступившую каплю и погружает член в рот.

Пиздец.

Раскованная кошечка.

Бережно укладываю ладонь на золотистый затылок и подаюсь бёдрами навстречу.

Лада обнимает влажный от слюны член у основания. Насасывает его обстоятельно, с выражением явного наслаждения на лице.

– Нравится сосать, Ладка?

– У тебя – да, – шепчет с придыханием, вытаскивая язык, как в порнороликах.

Жадно облизывается и снова набрасывается на ствол.

Напряжение внутри растёт с каждой секундой, яйца сжимаются от дикого возбуждения.

Откидываю голову назад, с хрипом заслоняя глаза. Вторую руку с её макушки не снимаю, направляю, наращивая темп бёдрами. Ощущаю, как растягивается её горячая гортань, принимая во всю длину.

Кайфово. Вот придумал же кто-то, а?!

Рыжая посасывает, причмокивая. От удовольствия хныкает и стонет. Сейчас, в двадцать, мне кажется, что это самая охеренная мелодия на свете.

Остальное лесом.

Офигеваю от мелькающих искр в глазах. Кровь сворачивается. Вбиваясь во влажный рот, разгоняюсь по взлётной полосе и... о да... взлетаю, изливаясь в её горло.

Лада ловит сперму. Всю, до капли. Вытирает лицо ладонью и удовлетворённо отстраняется:

– Теперь можешь ехать к своей Алановой.

– Алиевой, – поправляю недовольно, застёгивая ширинку.

Глава 5. Облапанная Мия

В голове лёгкость. Будто ватой набили и зашили ровными стежками, как следует. Ноги гудят от активных танцев, а лямка, окончательно распоясавшись, отказывается болтаться на плече.

Последний час я крепко притиснута к правому боку своего нового знакомого – Лёши, который, кажется, решил поговорить со всеми парнями в этом клубе. Блондин периодически подводит меня к бару и заказывает всё новые и новые коктейли, а я на глазах становлюсь полусонной и мягкой.

Потому что обычно в это время давно сплю в своей розовой комнате.

– Как ты, крошка? – спрашивает Лёша, теребя серебряные пайетки на моей груди.

Фокусирую взгляд на его пальцах и ловлю свои ощущения.

Никак.

Ни приятно и ни отталкивающе. Полный штиль, блин.

– Нормально, – откликаюсь, снова оглядываясь по сторонам.

Ваня Соболев внимательно изучает моё лицо и что-то кричит Лёше на ухо, активно жестикулируя. Что именно различить из-за орущей музыки просто невозможно.

Тот морщится, сжимая широкую ладонь на моей пояснице

ещё отчётливее.

В миллиардный раз обвожу глазами сверкающий танцпол, пытаюсь выцепить взглядом высокую фигуру в белой рубашке. Со временем плюю на гордость и начинаю искать заржавелое облако, понимая, что так найду сладкую парочку гораздо скорее.

– Ты не видел Громова? – спрашиваю у Соболева, чуть наклонившись и придерживая ненавистное платье.

– Когда курить выходил, они с Миловановой в тачку садились, – отвечает Иван, словно оплеухи мне раздавая.

Ноги подкашиваются. Уехал.

Забил на всё и уехал, гад.

Обида режет острыми краями, поэтому не сразу замечаю, как Лёша тащит меня за руку в сторону випки, в которой ещё недавно умничала и унижала Мира при всех. Здесь стол с мягкими диванчиками с помощью высокой ширмой практически скрыты от посторонних глаз. Совершенно пусто. Вся Громовская компания разбрелась по клубу, а он поехал к своей Чиполино.

Им есть чем заняться, горько усмехаюсь.

– Иди ко мне, – говорит Лёша, уводя руку чуть ниже, к моим ягодицам.

– Эм, – шокировано отстраняюсь.

Всю решимость, как ветром сдувает. От запаха модной туалетной воды резко мутит, а вата в голове начинает шайть едким дымком с примесью лёгкой тревоги.

– Ну чего ты, малыш? Тебе будет приятно.

Падает на диван и тянет моё болтающееся в пространстве тело на себя. Колени блондина широко разведены, поэтому задницей сразу съезжаю к его паху. И всё бы ничего, но мерзкий змеиный отросток между ног упирается при этом в моё девственное бедро.

Чёрт.

– Отпусти, – воплю, округляя глаза от страха.

Меня можно понять. Это первый член в жизни, который касается моего тела, пусть и через одежду.

Зашквар полный.

Щёки мгновенно вспыхивают.

Упираюсь в каменные мышцы качка и пытаюсь отодвинуться, но именно в этот момент предательская лямка вновь съезжает, а моя уверенная стоячая троечка с нежно-розовым соском оказывается прямо перед его облизывающимся ртом.

Я думала, что хуже быть не может!

Ошибалась, потому что именно в этот момент в випку заворачивает Громов.

Нашлась пропажа.

Мирон ошеломлённо озирает нашу недвусмысленную позу, яростно мажет взглядом по приоткрытой груди. Приоткрыв рот, пару раз моргает и снова пялится, пока я не додумываюсь прикрыть её ладонью.

Его выдающийся мозг явственно фиксирует лапу агрессора на моей заднице и прозрачные глаза моментально нали-

ваются кровью.

– Чё за хуйня, Офицеров?

Хватка ослабевает, поэтому я быстро вытягиваюсь на ноги и поправляю платье.

– Пошёл на хер отсюда, Громов, – слышу голос придурка.

Сгорая от стыда, сваливаю из випки, слыша за спиной отчётливые звуки ударов.

Ужа–ас. Хуже было только, когда я родителей занимающихся сексом в ванной, застала.

Придерживая трясущийся подбородок, отправляюсь за своей сумочкой и не найдя за столиком никого из подруг, пошатываясь, спускаюсь на первый этаж.

Накинув пуховик, вылетаю на улицу.

Утираю предательские слёзы. Декабрьский мороз забирается под длинный подол, царапая тонкий капрон. Бегу куда глаза глядят, лишь бы подальше от такого позора.

Теперь весь универ только об этом говорить будет.

Повеселилась Мийка, ничего не скажешь! Всё Мир виноват и моё упрямое желание ему отомстить.

Набросив на голову капюшон, пытаюсь нащупать телефон, чтобы позвонить отцу, когда передо мной останавливается знакомая машина.

– Быстро в тачку, пустоголовая, – кричит взбешено Мирон, наклоняясь к пассажирскому креслу и раскрывая передо мной дверь.

Пошёл ты, предатель! Обхожу автомобиль и следую даль-

ше.

Своей дорогою.

С трёх лет мне лапшу на уши вешал. «Моя Мия». «Мы всегда будем вместе». Пустозвон чёрттов!

Я-то тоже хороша. Мужикам верить нельзя, особенно таким красивым. Бабуля так всегда говорила, а я не слушала.

Снег под ногами неприятно скрипит. Осенние ботинки, в которые я выпендрилась, чтобы казаться как можно стройнее, моментально промокают, но сейчас мне настолько паршиво, что ничего не замечаю.

Чёрный автомобиль с открытой правой дверцей так и продолжает следовать за мной.

– Мия, я сейчас выйду и тебе мало не покажется.

– Вали к своей рыжей, Мир, – повернув голову, с обидой выпаливаю.

– Я тебя отшлёпаю, – зловеще угрожает.

– Только попробуй, – усмехаюсь. – Я всё твоему отцу расскажу.

Мир хрипло хохочет.

– Ну ты прямо испугала меня. Коленки задрожали, сейчас сердце прихватит.

– Тогда своему нажалуюсь, – дерзко вздёрнув подбородок, продолжаю шагать по заснеженному тротуару. – И нет у тебя сердца, не ври!

– Куда ты прёшься в ночи?

– В сторону службы средневековой инквизиции, – тихо

проговариваю под нос. – Или за хной в супермаркет. Ещё не решила.

Впереди небольшой перекрёсток. Этим ловко пользуется Громов, преграждая мне путь. Быстро выбирается из машины и закинув руки в карманы, огибает капот.

– Попалась, Карамелина?

Глава 6. "Вызывающая" Мия

– Садись, – кивком указывает мне на дверь, стискивая зубы.

Внимательно разглядываю его внешний вид. Тонкая, трепещущая от декабрьского ветра рубашка разодрана у воротника, чёрные брюки заляпаны пылью чуть ниже колен. Глаза ошалелые, всё ещё дурные. Крепкое тело вибрирует не то от холода, не то от злости.

Озираюсь. Вокруг не души.

– Мне долго ждать?

На улице зима, он без куртки. Видимо, оставил в клубе... так торопился за мной, бедняга. Громов часто дышит, тёплый воздух выходит из приоткрытого рта, образуя объёмное облако пара.

Вдруг заболит?..

Тяжело вздохнув, делаю несколько шагов и усаживаюсь в автомобиль. Жадно затягиваюсь древесным ароматом мужской туалетной воды. В душе разливается привычное тепло и воспоминания об этом лете.

Чуть улыбнувшись, жду, пока Мирон опустится на водительское кресло. Он делает это быстро, с раздражением громко хлопая дверью.

– Бррр, – рычит, увеличивая напор горячего воздуха. – Замёрз, пиздец.

Не сжому взгляда с его длинных пальцев, нажимающих всё новые и новые кнопки.

– Никто тебя не просил за мной бежать.

– Закройся, – зловеще выговаривает, мазнув взглядом по моему лицу. – Мы сейчас молча доезжаем до посёлка, а потом я с тобой серьёзно разговариваю.

– Коленки задрожали, – ворчу под нос, возвращая его слова.

Здрав подбородок, внутренне собираюсь, отворачиваюсь и прокручиваю события вечера.

Этот Офицеров полный мудак.

Слава богу, кроме Громова никто не видел. Очень на это надеюсь, по крайней мере.

Моя кристально чистая репутация – это то, чем я дорожу больше всего.

Так уж повелось, что до праздника, который православная церковь столетиями не принимает (*Хэллоуин – пр.авт.*), и теперь я очень даже поддерживаю это мудрое решение... до того самого дня, моя жизнь казалась идеальной.

Просто замечательной.

У меня классные родители. Понимающие, поддерживающие. Что бы ни случилось, они всегда на моей стороне. Когда в девятом классе учительница по черчению несправедливо обвинила меня во вранье, отец, конечно, выслушал её в кабинете директора, потом спокойно попросил меня, плачущую навзрыд, выйти в коридор и так отчитал присутству-

ющих, что больше меня не трогали. Никогда.

Я учусь в одном из лучших вузов страны. Летом, благодаря тому, что мой проект ландшафтного дизайна для городского парка культуры и отдыха выиграл в региональном конкурсе, я сама поступила в наш Архитектурный университет. И пусть многие завистники до сих пор считают, что всё дело в дружбе моего отца с нашим ректором.

Знаю, что это неправда.

У меня прекрасные братья. Дамир и Эмиль – близнецы и им пятнадцать. Но родители решили на этом не останавливаться, и совсем скоро нашу семью ждёт очередное пополнение.

Мои подруги крутые. Практически все мы, кроме Энж, пришли в Арх из одного класса и продолжили дружбу, проверенную годами.

До последнего времени у меня был Мир...

Украдкой разглядываю прямой профиль. Его ресницы такие длинные... Кожа покрыта чуть выступающей щетиной. Губы... пухлые. Красивые.

Ведёт себя как обычно. Движения плавные, привычные. Но, просто... больше не мой. Нервно сглатываю ком в горле и сжимаю пальчики в осенних ботинках. Мирон Громов – не мой. Это понимание бьёт по мозгам не хуже, чем коктейли, которыми напичкал меня Офицеров. Сейчас понимаю, что делал он это с определённой целью. А я была так увлечена мстостью...

И если бы не Мир...

Изнутри вдруг выворачивает... В желудке урчит и перед глазами всё расплывается.

Зажимаю рот рукой, с испугом смотря по сторонам.

– Что? – спрашивает Мир, мрачно поглядывая. – Хреново тебе?

– Останови, – умоляю, пытаюсь отвлечься от подступающей тошноты.

Громов резко сбавляет скорость и паркуется на обочине. Мухой вылетев из машины, склоняюсь над сугробом. Так плохо мне никогда не было. Наизнанку выворачивает. Даже холод не спасает.

Слышу, как хлопает дверь с водительской стороны.

– Не подходи, – ору, вытягивая руку и тут же снова закашливаюсь.

Ну, когда он меня слушал?

Проклятые спазмы всё не заканчиваются. Склонившись, загораживаю лицо волосами, чтобы Мир не запоминал меня в таком виде. Хочу быть для него лучшей. А принцессы, как известно, многие естественные вещи не делают.

Мирон терпеливо ждёт чуть позади.

– Надралась до шариков, Карамелина, – тяжело вздыхает. Приближается и аккуратно собирает мои раскиданные по плечам волосы. Бережно приобнимает свободной рукой. – Ну не умеешь пить – не пей, горе моё луковое.

– Отвали, – рычу, отталкивая его от себя. – Без тебя раз-

берусь.

Он как скала, блин. Ни на шаг не сдвигается. Продыха не даёт. Ни единого шанса остаться принцессой.

– Давай уже, – хрипит. – Я сдохну на дороге от переохлаждения, пока ты будешь вызывать барабашку. Всю жизнь жалеть будешь.

– Меня от тебя тошнит, вообще-то, – говорю, едва не плача.

Через несколько минут желудок перестаёт напоминать о себе. Утерев рот тыльной стороной ладони, с достоинством вытягиваюсь и королевской походкой отправляюсь на своё место.

Громов оббегает капот, заваливается в машину и греется, потирая руки. Затем молча протягивает мне бутылку с водой. Забираю её, сталкиваясь с его холодными пальцами.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Когда автомобиль возобновляет движение, по салону разливается звук стандартной мелодии от айфона. Вытянувшись, Мирон извлекает из кармана брюк телефон, сверкнув фотографией рыжей. Попеременно смотрит то на дорогу, то на светящийся экран. А потом... выключает звук, убирает мобильный обратно в карман и сворачивает к автозаправочной станции.

– Чай тебе куплю, – тихо произносит, паркуясь у входа. – В таком виде нельзя пока домой.

Взглядом провожаю широкую спину и ровно выстриженный затылок, скрывающийся за прилавками. И пусть мне сейчас паршиво, как никогда. Пусть. Внутри всё дрожит от радости, что какое-то время мы проведём вместе.

В закрытой машине.

Только вдвоём.

Глава 7. Разбитая Мия

Пока дожидаясь Мирона, телефон в сумке подаёт признаки жизни.

– Да, – отвечаю как можно энергичнее.

– Ты где? Я состарился, пока ждал твоего звонка.

– Не ври, папочка, – как обычно, лъщу. – Ты у меня молодой.

В трубке раздаётся хриплый смех.

– Вопрос не снят, Мия.

– Я... с Мироном. Он привезёт.

– Хм. Мне казалось, вы не ладите в последнее время?

– Всё нормально, пап, – настаиваю.

Пара секунд тишины обрываются строгим голосом:

– Давай недолго там. И без глупостей.

Ох.

Пожалуй, я бы с удовольствием наделала глупостей, но Мир не захочет. Последний, кстати, уже вышел из дверей павильона на автозаправочной станции и разговаривает по телефону. Увидев, как я наблюдаю, отворачивается. Замерев, пытаюсь прожечь дыру в его спине. Бесит, что он должен отчитываться перед кем-то, если проводит время со мной.

Перестать быть центром его вселенной – моя главная болевая точка.

Громов усаживается в БМВ и тяжело вздыхает.

– Пей, – протягивает мне картонный стаканчик. – И вот ещё, – выкладывает на панель упаковку жвачки.

– Спасибо, – вскрываю крышку и затягиваюсь тёплым паром.

– Пожалуйста.

Пью обжигающий чай без сахара, как я люблю, мелкими глотками. Мирон не смотрит. Сидит прямо, ведёт себя отстранённо.

Добравшись до дна, убираю стаканчик и хватаю жвачку.

– Рыжая тебя потеряла? – не могу сдержаться.

– Только не начинай, – предупреждает. – Ты, как Юлька.

– Юлька? – удивляюсь. Его сестре шестнадцать, и она та ещё штучка.

– На последнем ужине она случайно опрокинула на Ладу стакан сока. А ещё раньше случайно выбросила её зубную щётку из стаканчика в ванной.

Смеюсь в голос, пока Мирон направляет автомобиль к дороге, но ощущаю, как в груди царапаются острые коготки обиды. Почему-то факт, что Лада ночует в доме Громовых, я воспринимаю как прямое предательство тёти Насти и дяди Андрея.

Ничего не могу с собой поделать.

От горячего чая становится душно, поэтому я растёгиваю замок и принимаюсь стягивать с плеч пуховик.

– Что ты делаешь? – спрашивает Мир.

– Мне жарко.

Пальцы на руле сжимаются, но Громов никак не комментирует, а когда мы наконец-то заезжаем на территорию коттеджного посёлка, в котором оба живём, паркуется слева от железных ворот.

Откинувшись на спинку кресла, разминает шею.

– Пиздец, продуло.

– Я знаю одну мазь хорошую. Мне врач выписывал, – лезу в сумочку.

– Не надо, Мия.

– Надо, – задерживаю на нём пристальный взгляд. – У тебя есть ручка?

Мирон раздражённо затягивается воздухом и извлекает шариковую ручку из солнцезащитного козырька.

Быстро выживаю новый блокнот и пишу название. Отодрвав листочек, передаю ему.

– Что это?! – спрашивает, держа его двумя пальцами.

– Мазь, – невозмутимо убираю в сумочку вещи.

– Нет. Вот это? – указывает на выбитую типографской краской надпись.

– А-а, – смеюсь. – Только что кто-то из девчонок подарил. Именной блокнот. Мия Алиева. Видишь?

Нечаянно касаюсь его пальцев.

– Вижу, – резко убирает руку, складывает лист и прячет в карман. – Ты мне лучше скажи, что это за фигня в клубе была?

Лицо невыносимо припекает от обжигающего взгляда, но

я решаю быть честной.

– Хотела тебя позлить.

– Зачем?..

– Чтобы понял, – уставляюсь на него.

– Что именно, Карамелина?

Тяну ладонь к его мрачному лицу, но Мирон резко отшатывается. Убрав руку, отворачиваюсь и опускаю глаза.

– Ты... говорил, что мы всегда будем вместе, – качаю головой, разглядывая, как играет свет от фонаря с пайетками на платье.

– Мы и будем, – твёрдо отвечает.

– Говорил, что ты будешь строить дома, а я заниматься их дизайном.

– Так и будет, Мия. Оттого, что я люблю Ладу, между нами с тобой ничего не изменится.

– Любишь? – произношу сдавленно, поднимая на него изумлённый взгляд.

Жизнь останавливается.

Одно дело знать, что занимаются сексом, встречаются. Но любовь? Боже! Нет! Пожалуйста!

Кислорода в салоне катастрофически мало. Громов без ножа меня режет. Больно невыносимо, до такой степени, что непослушные слёзы выскальзывают из глаз.

Мирон, заметив их блеск, смачно матерится и отворачивается.

– Мия...

– А меня не любишь? – пытаюсь восстановить дыхание. – Меня больше не любишь, Мир?

Зажимаю лицо руками и плачу навзрыд. Плечи сотрясаются, а салон наполняется всхлипами.

О своём не первом за вечер позоре я подумаю завтра. А сейчас? Мне хочется расставить точки. Хочется снять наживую скальп, если придётся.

Он же не дурак?!

Нет, он не дурак. Всё понимает.

– Меня не любишь? – повторяю сквозь сжатые пальцы.

– Мия, – надвигается Мир и чувствую, как нежно убирает прядь волос за левое плечо. – Люблю, конечно. Как я тебя могу не любить?.. Как?..

– Не знаю, – огрызаюсь.

– Ты моё солнце. Я люблю тебя, даже не как сестру... Я слов подобрать не могу. Люблю тебя, как себя. Блядь.

– Что? – выкрикиваю.

– Мы же с рождения вместе. Ты всё обо мне знаешь, а я о тебе. Но я уже говорил...

Убираю руки от лица.

Мирон трудно сглатывает слюну и смотрит на меня в упор. Напряжение колется острыми иголками.

Оба вспоминаем ту ночь на даче, когда пришла к нему в комнату и в темноте забралась в постель... голышом. А он, грубо схватив за локоть, выставил за дверь.

Самое ужасное, что в таком виде в коридоре меня встре-

тила тётя Настя. Слава богу, она не подняла шумиху и никому не сообщила. Даже родителям.

Бесцветные глаза исследуют моё зарёванное лицо, спускаются ниже к блестящему платью на груди, потом поспешно возвращаются.

– Ты... и есть я... понимаешь?..

– Не понимаю, – трясую головой.

– Я так это воспринимаю.

– Но сексом заниматься со мной не хочешь? – спрашиваю тихо.

Качает головой, словно стряхивая тяжёлые мысли.

– Я уже вышел из возраста, когда занимаешься сексом сам с собой, – отвечает отвернувшись.

– Дурак, – шепчу упрямо. – Но почему? Почему у нас не может быть также, как у тебя с ней? Я сделаю всё то же самое, обещаю.

– Ты не понимаешь, о чём просишь, – качает головой, опасно сверкнув глазами. – То, что ты устроила летом на даче – ни в какие ворота. Никогда так больше не делай. Ни с кем.

В его голосе улавливаю собственнические нотки, поэтому решаю зайти с другой стороны:

– Ты спокойно воспримешь, если я начну с кем-то встречаться?

– Это будет нескоро, – морщится он, расслабляясь. Смотрит прямо перед собой. – Сейчас тебе нужно заняться учё-

бой. Все восхищены твоим талантом. Секретарь с вашей кафедры сказала, что преподаватели только о тебе и говорят. Это твой звёздный час, Мия. Действуй.

Да пошёл ты, думаю про себя. Пока ты будешь кувыркать-ся с оранжевой куклой, я должна грызть гранит науки?

– Скажи в чём дело? – стою на своём. – Разве я не красивая?

Папа с детства талдычил, что я самая лучшая и краше нет никого на земле. Наверное, поэтому то, как долго Мирон думает над ответом, казалось бы, на очевидный вопрос, ранит и задевает.

Это заставляет возводимую годами самооценку рухнуть в один момент.

– Не отвечай, – говорю с усмешкой.

Он собранный, холодный, а я – в мясо. Растерзана и обезврежена. Побита.

Зачем? Зачем я только пошла за ним ещё и в университет? Мне теперь совсем никуда не деться. Потому что его я люблю больше, чем дизайн.

Тело неистово трясётся от рыданий, которые я сдерживаю. Он. Её. Любит.

– Ми-я, – обжигает горячими пальцами обнажённое плечо, лямка от платья скатывается, оголяя бледно-розовый сосок, но я так ошеломлена, что мне уже всё равно.

– Никогда больше не трогай меня, Мир. Даже пальцем, – сама поражаюсь мелькнувшей стали в моём голосе.

Быстро накидываю пуховик.

– Ми-я, – хрипло повторяет. – Ты безумно красивая.

– Хватит, – это он из жалости.

– Я серьёзно. Особенно сейчас.

Не замечаю ничего вокруг.

– Я... рассчитывала, что ты одумаешься, но вижу, напрасно, – не выдерживаю и бью по двери, распахивая её. – Никогда больше не приближайся.

– Мия, – Мирон выбирается из машины вслед за мной.

– Не ходи за мной, – оборачиваюсь. – Я – не ты, – слёзы застывают на лице от холода. – Ты всего лишь друг детства, но с этого момента нас ничего не связывает.

Сжав в руке сумку, бегу по дороге в сторону своего дома. Мой плач расходится эхом по заснеженному, спящему посёлку.

Не нужна.

Пока я представляла наших детей, он и не собирался быть со мной. Я всё себе придумала.

Предполагала, в ту ночь выгнал меня, потому что бережёт. Хранит мою девственность до лучшего момента.

Дурочка Мийка.

Ты просто дурочка!

Глава 8. Смазливая Мия

Предновогодняя неделя проходит стремительно.

Я стараюсь не унывать и всячески абстрагироваться. На эмоциях зачем-то регистрируюсь в чате знакомств нашего университета, тут же удаляю аккаунт и забываю.

После эпичного завершения разговора с Мироном в доме все спали. Никто, слава богу, не увидел, как я, шаркая ногами и всхлипывая, добралась до своей комнаты, а потом почти до утра лила слёзы в подушку.

Наши отношения с мамой всегда были близкими. Доверительными.

Но сейчас... в общем, я решила не делиться с ней своими переживаниями. Наверное, не сто́ит расстраивать женщину на седьмом месяце беременности?!

Папа тоже не советчик. У него жёсткий характер, может начать рубить плеча, заступаться.

Да и на что здесь жаловаться?

Я ведь сама дурочка.

Поверила в то, чего нет и никогда не было. Смешно, ей-богу.

Декабрь заканчивается подготовкой к зачётам, ведь в начале января меня ждёт первая сессия. Мурашки по коже. Это волнительно и очень ответственно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.